

На рубеже XIX–XX вв., по словам автора, «раскол из религиозной общности трансформировался в обширную экономическую корпорацию, выстроенную на конфессиональных связях» (с. 184). С этим вряд ли согласились бы как нынешние староверы, так и те, которые упоминаются в книге. Тем не менее вся её вторая часть посвящена именно «корпорации», а не религиозной общности. «Золотой век старообрядчества», попытки его последователей добиться не только свободы вероисповедания, но и особого, привилегированного положения после издания указов 1905–1906 гг. – всё это осталось в тени политической борьбы «московской буржуазии» с самодержавием, приведшей к революции 1917 г. Сама же эта борьба излагается так, что невольно напоминает о концепции «масонского заговора», в котором «масонов» заменили «старообрядцы». Но так или иначе, А.В. Пыжикову всё же удалось выявить новые «границы русского раскола».

### ***Валерий Керов: Русская история сквозь призму старообрядческого фактора***

В своей книге А.В. Пыжиков показывает старообрядчество как масштабное и отнюдь не маргинальное явление, заметно влиявшее на российскую историю (с. 6). Замечательно, что современная концепция цивилизационной значимости старой веры поддержана и подхвачена историками вне относительно ограниченного круга исследователей старообрядчества<sup>29</sup>. Это свидетельствует о том, что на постсоветском историографическом пространстве общественный и научный интерес к старообрядчеству заметно возрос. За последние 20 лет в десятках монографий и сотнях статей анализировалось формирование и развитие старообрядческих согласий и конфессиональных общин, а также огромное хозяйственное движение староверов. В результате постепенно складывалось представление о трансформации староверия в начале XIX в. из религиозного в религиозно-экономическое сообщество (или конгломерат сообществ). В настоящее время история старообрядчества всё чаще рассматривается как реализация нонэтатистской модернизационной модели, параллельной и альтернативной государственной модернизации, начатой царями Алексеем Михайловичем и Петром Алексеевичем.

Конфессионально-этические нормы оказали значительное влияние на практику староверческого хозяйствования, включая обращение к активной торгово-промышленной деятельности, обусловленное обновлённым вероучением, религиозными ценностями, нравственными институтами и социально-психологическими установками<sup>30</sup>. А.В. Пыжиков пишет о повышенной хозяйственной и, в частности, предпринимательской активности ревнителей древнего благочестия. В целом она описана в литературе, однако автор книги, привлекая широкий круг источников, приводит много интересных (в том числе и новых) фактов о складывании старообрядческой хозяйственной системы, отдельных

---

<sup>29</sup> Привлекает и то, что книга написана живым литературным языком. Тем более досадно, что автор часто использует термин «раскольники», применявшийся обычно гонителями старой веры. Поместный собор Русской Православной Церкви 1971 г. признал «старые русские обряды» спасительными, а клятвы Соборов XVII в. – «яко не бывшими». См.: Деяние Освященного Поместного собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 6.

<sup>30</sup> Подробнее см.: Керов В.В. «Се человек и дело его...»...

династий и предприятий. Важно, что автор, использовавший и архивные документы, включает в неё не только крупных предпринимателей, но и крестьян-староверов, хотя термины «крестьянско-купеческий капитализм» и «купеческо-крестьянская экономика» (с. 163) требуют разъяснения<sup>31</sup>.

В старообрядчестве сложились своеобразная концепция собственности, основной функцией которой являлось обеспечение сообщества, а также соответствующая система управления имуществом. Религиозная община выдавала дешёвые или бесплатные кредиты, осуществляла необходимое для развития согласия распределение прибыли, аккумулировала средства для коррупционной защиты от преследований. В результате, как показали исследования А.В. Стадникова, Д.Е. Раскова и др., доля старообрядцев в промышленности и торговле России заметно превышала их долю в населении<sup>32</sup>. Однако говорить о «ключевой роли староверия в формировании российского капитализма» в центре и в регионах (с. 162), как это делает Пыжиков, описывая систему «собственности веры» в крупнейших старообрядческих центрах (Рогожской поповской и Преображенской федосеевской общинах Москвы) первой половины XIX в., всё же не совсем точно. Впрочем, автор ограничивается только этой формулировкой, тогда как даже в научных изданиях до сих пор тиражируются порой мифические цифры (якобы старообрядцы в начале XX в. составляли свыше 60% российского торгово-промышленного класса и обладали 64% дореволюционных капиталов<sup>33</sup>).

Адекватно оценивая конфессиональные этические и социальные факторы успеха старообрядческого предпринимательства, Пыжиков уделяет особое внимание государственной политике, направленной на «борьбу с расколом» и оказывавшей существенное (хотя и неоднозначное) воздействие прежде всего на эволюцию фактических форм собственности и способов её передачи в религиозных общинах, не признававшихся властью<sup>34</sup>. Анализируя Полное собрание законов Российской империи и материалы, извлечённые из фондов РГИА,

---

<sup>31</sup> Некоторые заключения при этом достаточно спорны. Так, более чем дискуссионным выглядит вывод о том, что Выговский мирской монастырь первой половины XVIII в. с его общинно-артельным предпринимательством во второй половине XVIII в. послужил моделью для хозяйственной организации старообрядцев всей страны (с. 168). В этот период среди ревнителей древнего благочестия уже получило распространение предпринимательство корпоративное и частно-семейное.

<sup>32</sup> В данном случае речь идёт, в основном, о центральных районах. Так, доля «записных» староверов составляла 34% в бумаготкацкой промышленности в Московской губ. и 75% – в Москве (по числу рабочих – 80%), а в шерстоткацкой – 63% в Москве, свыше 42% в губернии и 40% – в России в целом. В Калужской губ. у старообрядческих семей было 90% фабричного бумаготкацкого производства, во Владимирской – 37% прядильного. Превышал долю староверов среди промышленников и размер контролируемого ими сектора в суконной (21% производства Московской губ.), ситценабивной и некоторых других отраслях, прежде всего текстильных. Подробнее см.: *Стадников А.В.* Роль московского старообрядчества в развитии Российской текстильной промышленности // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Материалы. М., 1998. С. 91–92; *он же*. Список купеческих старообрядческих фамилий Москвы (XIX – начало XX в.) // *Мир старообрядчества: история и современность*. Вып. 5. М., 1999. С. 341–377; *он же*. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002. С. 141–144.

<sup>33</sup> *Рошин М.Ю.* Старообрядчество и труд // *Генезис кризиса природы и общества в России*. Вып. 2. М., 1994. С. 133; *Балакерская Г.Г.* Этика труда в старообрядчестве // *Алтарь России*. Вып. 1. Владивосток; Большой Камень, 1997. С. 72.

<sup>34</sup> См.: *Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие*, XIX – начало XX в. М., 2010. С. 31–141.

автор раскрывает обстоятельства трагических событий первой половины 1850-х гг., когда Николай I ужесточил преследование приверженцев старой веры, а Рогожский и Преображенский центры были практически разгромлены.

В книге Пыжикова, пожалуй, впервые после С.А. Зеньковского, подробно, с привлечением новых источников (в том числе переписки Н.П. Огарёва и старообрядческого предпринимателя И.И. Шибаева), освещены попытки революционеров 1850–1870-х гг. использовать староверов в своих целях. При этом, как справедливо отмечает автор, народники вслед за А.И. Герценом пришли к выводу о революционном потенциале старообрядцев не самостоятельно, а под влиянием записок чиновников МВД, и, в частности, И.П. Липранди, обнаружившего в различных соглашениях староверов «религиозно-конфедеративную республику», объединяющую различные свои части «в деле против правительства» (с. 38)<sup>35</sup>. В середине XIX в. революционеры-демократы видели в старообрядцах массовую антиправительственную силу, политически сознательную и обладающую значительными материальными ресурсами. Очень высоко ценил их революционность М.А. Бакунин, заявивший, что русский народ унёс «свою заветную жизнь, свою социальную веру в раскол» (с. 78). Как вспоминал участник «хождения в народ» О.В. Аптекман, в программе народников «раскол и сектантство чуть ли не стояли во главе угла». Староверами были увлечены М.А. Натансон, А.Д. Михайлов и др. (с. 84–89). Однако после неудач и разочарования революционеров пореформенных лет социал-демократы и неонародники начала XX в. такого интереса к конфессиональным диссидентам уже не проявляли.

В последней трети XIX в., по мнению автора книги, масса старообрядцев «отшатнулась от богатых горожан и от купцов, “брады честные оскобливших” ради коммерческих привилегий», в результате чего «раскол» стал «исключительным достоянием народа» (с. 279). Нараставшее в 1880-х гг. забастовочное движение, охватившее и «старообрядческий анклав» (стачки на фабриках Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска и проч.), Пыжиков считает прежде всего следствием «распада солидарных единоверческих связей» (с. 289). Конечно, под воздействием происходивших в стране социально-экономических процессов рабочие-старообрядцы иначе относились к «хозяину-кормильцу», чем прежде, но следует отметить, что на предприятиях их к этому времени было уже не так много. Быстро формировался огромный рынок рабочей силы, основанный на межрегиональных миграциях. И организаторы знаменитой «морозовской» стачки 1885 г. (на которую ссылается Пыжиков) не были не только старообрядцами, но и местными жителями. Эти полупрофессиональные революционеры представляли собой скорее «перекати-поле». Они не задерживались больше двух–трёх месяцев на одном месте, а там где работали, числились браковщиками и прогульщиками<sup>36</sup>.

Старообрядческие предприниматели стремились «вписаться» в социальную иерархию пореформенной России, но, как утверждает автор, были отвергнуты

<sup>35</sup> Липранди [И.П.] Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении; с некоторыми по сему предмету примечаниями // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Вып. 2. Лондон, 1861. С. 186.

<sup>36</sup> См.: Лавёрычев В.Я., Соловьёва А.М. Боевой почин российского пролетариата: К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. С. 82–94; Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998. С. 109.

верхушкой общества, несмотря на симпатию к ним со стороны Александра III. Впрочем, здесь не совсем ясно, о ком именно пишет Пыжиков. Сначала он заявляет, будто «старообрядческое купечество стало своего рода экономическим отделением русской партии» (с. 228), но затем использует выражения «купеческая буржуазия», «торгово-промышленная группа Москвы», «капиталисты из Первопрестольной» и др. Иногда даже создаётся впечатление, что, по мнению автора, всё русское купечество состояло из староверов, руководствовавшихся в своей социальной и политической практике религиозными принципами и конфессиональной солидарностью (с. 229). Это подчас вносит путаницу в логические построения Пыжикова. В ряде случаев он относит к старообрядцам чуть ли не всех купцов Московского промышленного района, хотя Крестовниковы, Прохоровы, Коншины, Лямины, Третьяковы (с. 211) к ревнителям древнего благочестия не принадлежали, а Хлудовы уже вышли из их числа<sup>37</sup>. Кроме того, в последней четверти XIX – начале XX в. деловые и личные связи тесно переплетались. Старообрядческие торгово-промышленные династии Рябушинских, Морозовых и др. уже имели в родственниках множество «никониан», а уж партнёрами по бизнесу, членами одних и тех же товариществ и обществ являлись и лютеране, и католики, и евреи.

На рубеже веков, как утверждает Пыжиков, «у крупного купечества Центрального региона возникли серьёзные проблемы»: правительство стало широко привлекать иностранный капитал вместо «обеспечения потребностей фабрикантов крестьянского происхождения», усиливались петербургские банки, была санкционирована «зубатовщина», призванная заставить промышленников «в полном объёме оплатить социальные потребности трудящихся». Наконец, последовали новые религиозные притеснения «русского купечества, в большинстве своём по-прежнему придерживавшегося староверческих традиций» (с. 339–340). Оказавшись в «кризисе» и осознавая необходимость перемен (хотя и не проявляя интереса к введению конституции и ограничению самодержавия), представители «купеческой буржуазии» стали посещать земские съезды и даже запустили «культурно-просветительский проект» (меценатство С.И. Мамонтова, МХТ и т.д.). Но, поскольку «либерализовавшаяся купеческая элита» «ясно осознавала, что реформаторского порыва дворянско-интеллигентской публики будет недостаточно для продавливания изменений в нужном ключе», «интересы недоброжелателей самодержавия и его радикальных противников сошлись» (с. 395, 397). Игнорируя новейшие исследования, автор настойчиво повторяет советские мифы о миллионах рублей, передававшихся революционерам С.Т. Морозовым, Н.А. Бугровым и др. (с. 395–396). При этом фактически Пыжиков развивает и пытается обосновать с помощью источников (включая и беллетристику<sup>38</sup>) концепцию О.Л. Шахназарова, утверждавшего, что «увлечённые противоборством с вековым противником староверы были готовы взять в союзники любого, кто своими действиями способствовал их целям», а само «распространение социал-демократических воззрений в старообрядческой среде имело своё обоснование в сохранении прочного общинного начала

<sup>37</sup> Более того, А.И. Хлудов, перейдя в единоверие, превратился в активного борца с «расколом», широко финансируя антистарообрядческих миссионеров и Никольский единоверческий монастырь (Субботин Н. В память о А.И. Хлудове. М., 1882).

<sup>38</sup> Так, автор обнаружил информацию о старообрядческих корнях Б.В. Савинкова в рассказе Л.Н. Андреева «Тьма». Эсеры-боевики Е. Сазонов и В. Зензинов также оказались старообрядцами (с. 401–402).

в этой конфессиональной общности»<sup>39</sup>. Заодно, руководствуясь принципом «не складывать все яйца в одну корзину», староверы начала XX в. поддерживали также кадетов и октябристов (с. 396–402 и др.).

В итоге, согласно концепции Пыжикова, «осенью 1905 г.» «купеческая буржуазия» оказалась «наиболее подготовленным игроком развернувшегося преобразовательного процесса» с разветвлёнными связями «по всем направлениям оппозиции» (с. 405). Староверы якобы организовывали забастовки, формировали дружины, раздавали «винтовки и револьверы» (например, на Прохоровской мануфактуре) и т.п. В результате, в ходе Декабрьского восстания, в подготовку которого «определяющий вклад» внесли фабриканты-старообрядцы (почему-то вместе с милюковским «Союзом союзов»), «от революционных масс не пострадал ни один крупный фабрикант», хотя «доведённые до отчаяния» рабочие должны были «выступить против непосредственных виновников своего бедственного положения» (с. 415–418).

В своей книге Пыжиков полностью соглашается с А.В. Тырковой-Вильямс в том, что революция «действовала на деньги буржуазии» (с. 419). «Вообще, – утверждает он, – оценивая революционное движение в России последнего десятилетия царизма (1907–1917 годы), следует учитывать его тесную зависимость от политических потребностей московского клана» (с. 637). Могильщиками же самодержавия были не Г.Е. Распутин и царица, как считала «советская историография» (с. 558), а, по выражению шталмейстера Двора и члена Союза русского народа Ф. Винберга, «кулаки-скопидомы», развернувшиеся «во всю ширь замоскворецкой бестолковщины» (с. 579)<sup>40</sup>. Одновременно со срывом «купеческой буржуазией» «конституционно-монархического сценария, реализуемого правительством сверху», произошёл и отказ народа, особенно «самой многочисленной части народных низов – старообрядцев», от поддержки монархии и надежд на буржуазные реформы (с. 622, 632). Неудивительно, что, по мнению автора, староверы стали «наиболее активными деятелями» социалистической революции, а их «коллективизм», законсервированный в общинных принципах хозяйства и выразившийся якобы в неприятии ими столыпинской аграрной реформы, привёл к появлению «на карте мира нового государства», которое соответствовало вере народных низов в «Царство Божие на земле». «И Сталин, – заключает Пыжиков, – неизменно ориентировался именно на эти слои, понимая, что от них зависят его политическая популярность и личное возвышение... Новый вождь утверждался в рамках “фирменной” беспоповской староверческой психологии, обретшей новый, теперь уже государственный, формат» (с. 644–645).

Но каковы же в действительности были политические пристрастия старообрядцев?

Ревнители древнего благочестия всегда боролись за свои права, и прежде всего – за возможность свободного вероисповедания. В течение XVIII и боль-

---

<sup>39</sup> Шахназаров О.Л. Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года) // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 67; См. также: *он же*. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 72–98; *он же*. Корни русского социализма // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 24–37.

<sup>40</sup> Сведения о том, как «купеческая буржуазия» финансировала социалистов, автор книги часто черпает в изданных за рубежом воспоминаниях различных чиновников, придворных и либералов. Типичный пример: «К этому присовокупим и мнение бывшего сенатора В.Н. Смольянинова, хорошо знавшего обстановку в Москве: “Действительно, купец отсыпал на наших глазах немало денег на революцию”» (с. 579).

шей части XIX в. основных средств такой борьбы было три<sup>41</sup>. Первое – уход на (или за) окраины российского государства – в Поморье, Сибирь, на Урал или в Польшу, в Турцию. Старообрядцы сыграли важнейшую роль в освоении Сибири и строительстве уральской горной промышленности, что хорошо изучено и изложено историками. Впрочем, к концу XVIII в. этот путь стал маргинальным и использовался лишь относительно небольшими согласиями типа странников.

Другим средством являлась коррупция. По словам профессиональных «борцов с расколом», даже в годы наибольших преследований со старообрядчеством не удалось покончить из-за того, что «продажное чиновничество в значительной степени парализовало силу распоряжений» правительства. Староверы затрачивали огромные средства для нейтрализации репрессивных мер, используя подкуп священников господствующей Церкви и чиновников. Как показало, в частности, выявленные материалы внутренней бухгалтерии Е.Ф. и И.Ф. Гучковых<sup>42</sup>, на их «прокормлении» находились полицмейстеры, квартальные, приставы и др.<sup>43</sup> В уездах и волостях России, доносила агентура полиции, священники синодальной Церкви от староверов «бóльшие имеют выгоды, чем от церковных прихожан»<sup>44</sup>. Защитная коррупция получила в старообрядчестве даже богословское обоснование: представители различных согласий называли взятки «данью» и считали, что она нужна «именно ради содержания древнего благочестия»<sup>45</sup>.

Но был и третий путь: подача просьб и прошений, до середины XIX в., как правило (хотя и не всегда), имевших «неофициальный характер». Начиная с царствования Александра II стали возможны и официальные обращения. Более того, подчас они приводили к положительным результатам, особенно при Александре III, что, кстати, хорошо показано в книге Пыжикова.

Именно прошения и обращения активно использовались в предреволюционный период. Главными легальными представительными организациями стали в начале XX в. Всероссийские съезды различных согласий и прежде всего самого многочисленного – старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию. Съезды и образованные ими Всероссийские попечительства имели право «входить с ходатайствами на Высочайшее имя императорского величества и их императорских высочеств или в министерства и во все другие правительственные учреждения»<sup>46</sup>. Все эти тексты содержали обязательные

---

<sup>41</sup> До прямого сопротивления доходило редко. Иногда случавшиеся эксцессы, отразившиеся в уголовных делах, были как один похожи на столкновение, произошедшее в Верее в 1865 г., когда прямо на похоронах местного купца полиция попыталась арестовать священника, а родственники умершего дали отпор и защитили его (*Стадников А.В.* Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика... С. 153).

<sup>42</sup> ОПИ ГИМ, ф. 122, оп. 1, д. 487, л. 26, 131–140 об., 141–141 об.; д. 488, л. 9–10; д. 497, л. 69–96 об.

<sup>43</sup> *Любопытный П.* Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе с 1762–1866 года // Сборник из истории старообрядчества / Сост. Н. Попов. Т. 2. М., 1866. С. 177; Дневные дозорные записи о московских раскольниках. М., 1885. С. 18, 37, 177.

<sup>44</sup> Дневные дозорные записи о московских раскольниках. С. 69.

<sup>45</sup> Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. Лондон, 1862. С. 161–162, 206, 232–233; Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. С. 333, 404. Подробнее см.: *Керов В.В.* «Время купли наступает...»: Медиативные функции коррупции в отношениях старообрядчества и власти в России XVIII – первой половины XIX в. // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2004. № 3. С. 7–17.

<sup>46</sup> Третий Всероссийский Съезд старообрядцев в 1902 г. Деяние и постановления. [Б.м. и г.] Л. [25].

верноподданнические формулировки. В соборных постановлениях и выступлениях периодически упоминался «возлюбленный царь наш Николай Александрович». Съезды отсылали поздравительные телеграммы по случаю рождения детей императора, тезоименитств и проч. И это не было лишь обязательной формальностью. Как выразился один из выступавших: «Нам приятно... слышать хорошие, похвальные отзывы о старообрядцах правительственных лиц за наши твёрдые убеждения и нашу крепость»<sup>47</sup>. Председательствуя на V съезде поповцев, его организатор Д.В. Сироткин указывал, что «притеснения старообрядцев происходят не от высшего правительства, а от низших чиновников». Тогда же один из докладчиков, отметив слабые зарубежные связи съездовской организации, сетовал на то, что «за границей народ заражён социализмом и анархизмом и потому неудобно старообрядцам общаться с иностранными религиозными обществами»<sup>48</sup>.

При этом участники съездов вполне осознавали отсутствие своей «гражданской полноправности», о чём открыто заявляли на заседаниях. Однако добиваться расширения прав они предпочитали с помощью таких оборотов, как, например: «Почтительнейше просим разрешить нам доступ на государственные и общественные должности»<sup>49</sup>.

Староверов поддерживали доверявшие им министры Д.С. Сипягин и В.К. Плеве, передававшие их прошения Николаю II. Кн. П.Д. Святополк-Мирский, направив царю очередное ходатайство, на встрече в ноябре 1904 г. уверял просителей: «Не сомневайтесь, ваша преданность Государю известна. Он вас любит, и вы находитесь всегда в его сердце. Известно и ваше долготерпение»<sup>50</sup>. Помогал им и С.Ю. Витте. Поданная ему «Памятная записка о старообрядческих нуждах», как считали сами староверы, легла в основу ряда положений указа 17 апреля 1905 г. об укреплении основ веротерпимости<sup>51</sup>.

В 1905 г. ситуация несколько изменилась. С одной стороны, несмотря на свою ограниченность, осознававшуюся староверами, указ 17 апреля, даровавший им многие права и главное – свободу вероисповедания, привёл значительную часть ревнителей древнего благочестия различных согласий в восторг: «получив царскую милость», они приветствовали её буквально «со слезами радости и умиления», завалив монарха благодарственными адресами<sup>52</sup>. С другой стороны, сказывался полемический характер старообрядческой культуры, проявлявшийся, прежде всего, в деятельности мирян-начётчиков, постоянно полемизировавших с миссионерами «господствующей Церкви». Когда умеренное руководство VI съезда поповцев в августе 1906 г. согласилось (при поддержке большинства делегатов) исключить из повестки заранее внесённый в неё вопрос «О положении старообрядцев в связи с общим положением в России»,

<sup>47</sup> Четвёртое Всероссийское Собрание старообрядцев 1903 г. [Б.м. и г.] Л. [30 об]. См. также Л. [30], [32], [51] и др.

<sup>48</sup> Пятый Всероссийский Съезд старообрядцев в 1904 году. Протоколы и другие материалы. [Н. Новгород], 1905. Л. 26, 56.

<sup>49</sup> Четвёртое Всероссийское Собрание старообрядцев... Л. [87]; Пятый Всероссийский Съезд старообрядцев... Л. [81].

<sup>50</sup> Труды Шестого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1905 г. Н. Новгород, 1905. С. 49.

<sup>51</sup> Там же. С. 33–35. Подробнее о прошениях и ходатайствах старообрядческих съездов см.: Селезнев Ф.А. Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев... С. 90–101.

<sup>52</sup> Труды Шестого Всероссийского съезда... С. 69, 80, 81 и др.

поскольку в нём затрагивались «политические вопросы»<sup>53</sup>, начётчики во главе с В.Е. и Ф.Е. Мельниковыми организовали частное совещание, объясняя это тем, что представители многих обществ специально приехали для обсуждения данной проблемы. При этом В.Е. Мельников признавал, что указ предоставляет старообрядцам значительные гражданские и религиозные свободы. Однако его беспокоило отсутствие гарантий, что «через 10–20 лет... алтари не будут снова опечатаны». «Мы искони были преданы царю..., – говорил он, – мы видим, что первые ряды царских врагов и супостатов занимает наше самодержавное правительство... Наш долг, наша священная обязанность встать на защиту попираемого царского слова... путь для достижения этого нам указан самим царём... В силу этого царского слова у нас в России учреждается Государственная дума. Мы, старообрядцы, и должны сказать, что только при существовании у нас Государственной думы с решающим голосом и возможно у нас сохранение в силе указа 17 апреля... Очень возможная вещь, что общественная собственность, которую мы имеем приобрести на основании Высочайшего указа 17 апреля, через несколько времени будет у нас конфискована правительством. Я поэтому стою за упразднение у нас существующего государственного строя». Ф.Е. Мельников добавил, что полицейская власть в России выше и сильнее, чем «всякие Высочайшие указы и повеления». Однако завершил своё выступление знаменитый начётчик словами: «Я стою за то, чтобы выразить государю благодарность... указ 17 апреля есть именно свет, в этом никто не сомневается»<sup>54</sup>.

В целом во время революции 1905–1907 гг. старообрядческие съезды во главе с Д.В. Сироткиным сохраняли лояльность к правительственной власти<sup>55</sup>. Даже условно «левые» начётчики придерживались скорее «либерально-монархических» взглядов. Вместе с тем революционная атмосфера, появление «новых возможностей» и надежд способствовали включению широких слоёв населения в политические процессы. Эта тенденция прослеживается и среди старообрядцев. Многие из них, опираясь на указы 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г., обратились к храмостроительству, просвещению и другой внутриконфессиональной деятельности. Однако не менее заметная их часть увлеклась политикой и принимала активное участие в избирательных кампаниях.

«Воззвание Совета Всероссийского съезда старообрядцев», завершившегося 12 декабря 1905 г. в Москве, напоминало, что староверы, которые, «переноса всякие гонения, никогда не отстаивали свою свободу и учения путём насилий и кровавой борьбы», теперь «становятся полноправными русской земли» и пользуются всеми свободами. Им предлагалось объединиться на местах для предстоящих выборов в Думу, так как «для блага нашей родины, а в частности для пользы старообрядчества, необходимо выбирать в Государственную думу людей достойных, честных, преданных русскому народу»<sup>56</sup>. На баррикады же старообрядцы отнюдь не стремились.

В 1905–1907 гг. представители старообрядческого сообщества поддерживали широкий спектр политических партий с некоторым уклоном вправо. Так,

<sup>53</sup> Там же. С. 2.

<sup>54</sup> Протоколы частного собрания старообрядцев после VI съезда старообрядцев 2–5 августа 1905 г. в Н[ижнем] Новгороде // Старообрядец. 1906. С. 697, 698–699, 700.

<sup>55</sup> Селезнев Ф.А. Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев...

<sup>56</sup> Монаякова О.А. Политические предпочтения ковровских старообрядцев в думский период (1905–1917) // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. Т. 1. М., 2007. С. 54.



в различных уездах Владимирской губ. во время выборов в I Государственную думу среди них нашлись сторонники левых, кадетов, октябристов, а также Союза русского народа. При этом участие староверов в левых организациях центральных губерний было единичным и специфическим, свидетельствующим скорее о непонимании различий между протестными организациями. Так, зажиточный ковровский крестьянин-старовер Ф.И. Носов, являвшийся, по мнению полиции, социал-демократом, после выхода из-под ареста финансировал кадетскую «революционную» газету<sup>57</sup>. В ряде регионов проявились черносотенные настроения<sup>58</sup>. В Нижнем Новгороде активно действовал крупный предприниматель беглопоповец Н.А. Бугров, финансировавший черносотенцев и избиравшийся в Думу от Союза русского народа. В 1906 г. был создан консервативно-монархический «Союз старообрядцев». Некоторые ревнители древнего благочестия сотрудничали с партией «Союз 17 октября» и кадетами<sup>59</sup>. Отдельные староверы вступили во Всероссийский крестьянский союз. В феврале 1906 г. прошёл Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев, на котором говорилось про «острую земельную нужду»<sup>60</sup>.

О связях старообрядческих предпринимателей с революционерами сколько-нибудь значимых и достоверных данных нет. Фальсификацию М. Горьким революционной деятельности Морозова разоблачили ещё советские историки. Пролетарский писатель красочно описывал, как 9 января 1905 г. Морозов спасал Гапона, стриг ему бороду, заявляя, что революция неизбежна, а дело монархии – «дохлое дело»<sup>61</sup>. Однако Н.Г. Думова обнаружила письмо Горького Е.П. Пешковой, датированное 9 января, из которого следует, что в этот день Савва Тимофеевич был в Риге у постели больной Андреевой и послал оттуда писателю телеграмму. Воспоминания Л.Б. Красина и А.Н. Тихонова также полны фантастических высказываний С.Т. Морозова, например, о том, что только революция во главе с большевиками спасёт Россию, а купцы – это «волчья стая»<sup>62</sup>. Между тем документы, вышедшие из-под пера самого Морозова (и, в частности, его известная «Записка по рабочему вопросу»), доказывают, что он твёрдо стоял на либеральных позициях<sup>63</sup>. Конечно, деньги Савва Тимофеевич социал-демократам всё же давал. Но, во-первых, не в силу своих старообрядческих убеждений, а уступая вымогательству со стороны М.Ф. Андреевой, М. Горького и Л.Б. Красина<sup>64</sup>. Во-вторых, речь шла об относительно небольших суммах, на что обратила внимание И.В. Поткина. Действительно, по «счёту личных расходов» С.Т. Морозова за 1898–1902 гг. предприниматель

<sup>57</sup> Монахова О.А. Указ. соч. С. 55–58.

<sup>58</sup> Иванов Ю.А. Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX – начале XX в. Иваново, 2003. С. 192 и др.

<sup>59</sup> С левыми и правыми либералами были связаны П.П. и В.П. Рябушинские, Д.В. Сироткин, М.И. Бриллиантов, Ф.Е. Мельников и др. См.: Селезнев Ф.А. Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев... С. 83; он же. Старообрядчество и политические партии в революции 1905–1907 гг. // Политические партии в российских революциях XX века. М., 2005.

<sup>60</sup> Протокол заседаний Совета Всероссийского съезда старообрядцев // Труды Восьмого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–4 августа 1907 г. М., 1908. С. 87.

<sup>61</sup> Горький М. Савва Морозов // Горький А.М. Полное собрание сочинений: В 25 т. Т. 16. М., 1973. С. 498–526; Архив А.М. Горького. Т. IV. М., 1957. С. 183 и др.

<sup>62</sup> Серебров А. (Тихонов А.Н.). Время и люди. Воспоминания. 1898–1905. М., 1960. С. 194, 210; Красин Л.Б. (Никитин). Дела давно минувших дней. М.; Л., 1931.

<sup>63</sup> ЦГА г. Москвы, ф. 342, оп. 1, д. 82, л. 189, 189 об.–190 об. Подробный анализ записки см.: Морозова Т.П., Поткина И.В. Указ. соч. С. 177–179.

<sup>64</sup> Морозова Т.П., Поткина И.В. Указ. соч. С. 183.

имел в разные годы всего по 30–50 тыс. руб. Кроме того, в разделе «По счёту пожертвований и вспомоществований» в разделе «выдано разным» числилось ещё 9–13 тыс. Даже если присовокупить к этому графу «удовольствия» (1.8 тыс. руб. за 1898/1899 г. и 1.1 тыс. руб. за 1899/1900 г.), миллионы, о которых писал Горький, никак не складываются<sup>65</sup>.

После Первой российской революции накал политических страстей снизился, но тенденции сохранились. Представительные организации старообрядцев продолжали славословить Николая II за указы 1905–1906 гг. и, одновременно, сетовать на их несовершенство, добиваясь более выгодного закона об общинах. В Думе была даже создана специальная Старообрядческая комиссия<sup>66</sup>. В это время староверы чётко осознавали, что декларативные положения указов ещё требуется превратить в реальность. Сразу же после опубликования указа 17 апреля министр внутренних дел А.Г. Булыгин передал его исполнение на усмотрение губернаторов, которым предоставлялась возможность отменять старые нормы, «стесняющие права старообрядцев на службу государству и обществу» или «сохранить их на будущее время»<sup>67</sup>. Однако основные условия для нормальной общественно-религиозной жизни уже были созданы. В результате, несмотря на то, что синодальная Церковь продолжала «борьбу с расколом», наметилась тенденция к признанию старообрядчества как части русского общества со стороны местных властей и «официально-православного» населения<sup>68</sup>. Уже упоминавшийся проповедник старой веры Ф.Е. Мельников, отмечая, что после 1906 г. «наряду с полученной свободой шли и прогрессивно укреплялись принуждения, насилия и преследования», всё же характеризовал 1905–1917 гг. как «золотой век старообрядчества»<sup>69</sup>. Действительно, к 1914 г., кроме ранее существовавших и восстановленных, было построено более 200 храмов только Белокриницкой иерархии (и свыше 1 тыс. церквей всех согласий), создано два новых монастыря и зарегистрировано 1 300 общин<sup>70</sup>. Издавались журналы «Старая Русь», «Церковь», «Щит веры» и др. В Москве действовал шестиклассный Старообрядческий институт и т.д.

После Февральской революции съезды и совещания староверов выступали за войну до победного конца (хотя и признавали, что она «обременительна и вносит разруху в жизнь страны») и скорейшие выборы в Учредительное собрание. «Мы, старообрядцы, – заявляли их представители, – желаем, чтобы государственный строй в России был демократическо-республиканский, с выборным президентом из христиан»<sup>71</sup>. «Утро России» Рябушинских резко критиковало Временное правительство и социалистические партии «справа», а сам Павел Павлович приветствовал Л.Г. Корнилова и финансировал «Союз

<sup>65</sup> См.: ЦГА г. Москвы, ф. 342, оп. 1, д. 102, л. 1 об.–13 об.

<sup>66</sup> Подробнее см.: *Селезнев Ф.А.* Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 130–140.

<sup>67</sup> Труды Шестого Всероссийского съезда... С. 44.

<sup>68</sup> См.: *Островский А.Б.* Старообрядчество в условиях ограниченного социального признания (по материалам журнала «Церковь» 1908–1917 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. М., 2004. С. 6–16.

<sup>69</sup> *Мельников Ф.Е.* Краткая История древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 407, 521–556.

<sup>70</sup> *Прозоров И.А.* История старообрядчества. М., 2002. С. 208–209; *Мельников Ф.Е.* Указ. соч. С. 427.

<sup>71</sup> Протоколы V Всероссийского Съезда древлеправославных христиан (16–18 июля 1917 г.) // Антираскол. Информационно-справочный портал по расколоведению (URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/631>).

офицеров»<sup>72</sup>. Самый левый из либеральных предпринимателей-старообрядцев А.И. Коновалов поддерживал А.Ф. Керенского и в результате вёл последнее заседание министров в Зимнем дворце в ночь на 26 октября 1917 г.<sup>73</sup>

После Октябрьской революции старообрядцы остались на тех же, отнюдь не революционных позициях. На выборах в Учредительное собрание в 13 избирательных округах (в Москве, Владимирской, Рязанской губерниях, на Урале и Алтае, в Забайкалье, Поволжье, на Дону) был представлен «блок земельных собственников и старообрядцев», который, по мнению социал-демократов, «объединял сторонников право-консервативных кругов» и выдвигал в Учредительное собрание бывших черносотенцев, октябристов и кадетов. В целом «потомки Аввакума» являлись консервативной частью электората. В.И. Ленин отнёс тогда их организации к разряду «помещичьи и буржуазные партии»<sup>74</sup>. Стоя «на государственной точке зрения» и считая, что «вся страна должна подчиниться установлениям и решениям Учредительного собрания», они часто блокировались с кадетами<sup>75</sup>.

В период Гражданской войны староверы активнейшим образом участвовали в Белом движении. В 1918 г. в Барнауле прошёл съезд старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, положивший начало созданию «единого фронта сибирского старообрядчества против большевицкой диктатуры». Позднее был создан Центральный исполнительный комитет всех согласий для общего руководства их действиями в борьбе с революцией за возрождение «великой неделимой и независимой России». Старообрядческие полковые священники находились в казачьих частях А.И. Деникина и в армии А.В. Колчака, в которой были «добровольческие крестоносные дружины», состоявшие из староверов<sup>76</sup>.

В советское время старообрядцы вновь подверглись преследованиям. В конце 1920-х гг. Н.К. Крупская напоминала партии, что «борьба с кулачеством есть одновременно борьба со старообрядчеством»<sup>77</sup>. На рубеже 1920–1930-х гг. в результате ужесточения антирелигиозной политики, массовых репрессий и организации колхозов, которые, по мнению староверов, создавал «через коммунистов сам антихрист»<sup>78</sup>, большинство старообрядческих приходов перешло на нелегальное положение или было закрыто.

*Материал подготовлен А.В. Мамоновым*

---

<sup>72</sup> См.: Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997. С. 111–116.

<sup>73</sup> Столбов В.П. «Капиталистские» крестьяне-старообрядцы и их влияние на развитие промышленного Иваново-Вознесенского района в XVIII–XIX вв. // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI в.: история и современность. Киев, 2008. С. 263.

<sup>74</sup> См.: Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. 16 декабря 1919 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 2.

<sup>75</sup> Протасов Л.Т. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 119, 139; Мой родной город Рязань. Рязань, 2007.

<sup>76</sup> См.: Белокриницкая иерархия // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 553–554; Инговатов В.Ю., Старухин Н.А. К вопросу об истории отношения старообрядчества к государственной власти на примере общин Алтая в 1917–1920 гг. // Старообрядчество: история, культура современность. Материалы. М., 1998. С. 38; Боровик Ю.В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

<sup>77</sup> Цит. по: Кутузов Б.П. К вопросу о феномене старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 1997. С. 51.

<sup>78</sup> Из анонимного старообрядческого «Письма дорогой дочери Марии в ответ на горемычное письмо от 5 декабря», сохранившегося в частном собрании (л. 10 об.). Следует отметить, что в старообрядческой общине вне монастырей никогда не было коллективного труда.